

Яков ЯКОВЛЕВ

Зелёная царевна

Лягушки и жабы не относятся к тем представителям земной фауны, которые вызывают у современного человека чувство приязни или даже симпатии. В руки не возьмёшь, по шёрстке не погладишь, за ушком не пощекочешь... Поэтому девочки при их появлении визжат, женщины морщат нос, мальчишки передают друг другу байку о неизбежности бородавок на руках у того, кто коснётся жабы, а мужчины могут даже пнуть бедное земноводное, а то и неразумно припечатать его тяжёлой обувкой.

...Их яблук зеркальных пугает трескучий разлом
и ядерной кажется всплеска цветная корона,
не любят, когда колосится вода за веслом
и сохнет кустарник в сливовом зловонье затона.

В девичестве вяжут, в замужестве – ходят с икрой,
вдруг насмерть сразятся, и снова уляжется шорох.

А то, как у Данте, во льду замерзают зимой,
а то, как у Чехова, ночь проведут в разговорах.

А. Парщиков, «Элегия»

Даже сегодня – в обществе, которое быстро и активно отрекается от матери-природы, не представляя всю суровость неизбежного наказания за эту измену, ещё сохраняются отголоски прежнего почтительного отношения к лягушкам и жабам. Например, «в нулевых», как сейчас выражаются, годах, когда субъекты новой России формировали геральдическую основу своей идентичности, небольшой городок Лянтор в ХМАО – Югре разработал герб, в котором присутствовал образ лягушки. Не в оригинальном, конечно, виде, а в форме хантыйского орнаментального элемента. В символическом описании герба его авторы указывали: «Хантыйский орнамент “Лягушка” символизирует мифологическую женщину, хранительницу дома, очага, подательницу жизни» (об этой семантике – немного позже).

И 6 декабря 2006 года Государственный геральдический регистр Российской Федерации выдал муниципальному образованию «Городское поселение Лянтор» два свидетельства о регистрации герба и флага, в состав которых было включено художественное воплощение лягушки.

Любопытно, но не исключительно. Образ квакуши в геральдике известен с давних времён и на куда более высоком статусном уровне. Более двух веков Францией правила династия Бурбонов, гербом которых являлась композиция из трёх золотых лилий на лазоревом фоне. Церковь в одних случаях объявляла это символом Святой Троицы, в других – знаком Девы Марии. Однако всё это более поздние придумки. Согласно устным преданиям, изначально сия троица появилась на знамени первого

христианского короля Хлодвига, который в V–VI веках положил основание империи франков, и составляли эту композицию не лилии, а... фигурки лягушек. Одна легенда гласит, что перед битвой Хлодвигу приснился сон, в котором лягушки после погружения в пруд превращались в лилии. Другая же утверждает, будто король перед битвой видел в небе ангела, несущего синее знамя с тремя лягушками, которые превращались в лилии. И после победы утвердил себе такой стяг.

Так что надо признать: включение лягушек и жаб в касту неприкасаемых – это явление дня сегодняшнего. На долгом пути нашей истории они, наоборот, входили в элиту фаунистических образов,

Герб города Лянтор с хантыйским орнаментальным элементом «Лягушка» сверху

которые человек выбрал для своего религиозного пантеона, мифологического творчества и изобразительного искусства. Вспомним хотя бы русскую народную сказку, где лягушка – царевна.

В подавляющем числе традиционных культур модель Космоса, которую человек сформировал в своём стремлении познать окружающий мир, имела вертикальную структуру: Верхний мир божественных сил, Средний мир живых людей, Нижний мир злонамеренных существ и покойников. При такой «этажности» особым религиозным статусом наделялись те представители земной фауны, физические способности которых позволяли им обретаться во всех трёх или хотя бы в двух смежных мирах, – птицы (особенно водоплавающие), бобры, стрекозы... И земноводные, конечно, которые могут обитать сразу в нескольких сферах (на земле и под землёй, на воде и под водой). Эти способности определили лягушке и жабе роль вояджера в языческом Космосе – они могли легко пересекать границы миров.

В мировоззрении многих народов мира лягушка (вместе со змеей и черепахой) являлась основой Мироздания: на них опирается земная твердь; они сами выступали в роли символических воплощений земли, выходя из земли и уходя в землю; они отождествлялись с влагой, мраком и плодородием.

Однако представить значение образа лягушки и жабы в традиционных верованиях и обрядовой практике народов мира в рамках журнальной статьи невозможно. Поэтому придётся ограничиться лишь малым сегментом этой огромной темы – только некоторыми ролями этих образов и только в культуре двух родственных западно-сибирских народов (хантов и манси).

Об адресе указанных земноводных в вертикали традиционного Космоса обских угров их мифология и фольклор дают **разные** указания, совпадающие, однако же, в главном – **это граница** космических ярусов. Например,

Иллюстрация к хантыйской сказке. Художник Н. Фомин

страшная *Не Имеющая Сердца и Печени Железная Лягушка* обитала у корней высокой лиственницы, возвышавшейся посреди «моря с горячей водой» (так аллегорически обозначался рубеж миров). На вершине этого мирового дерева располагалось гнездо великой птицы Карс, и Железная Лягушка поедала выпадавших птенцов.

Ещё одним символом между мирами являлся прозаический гнилой пень, который в качестве коммуникативного канала располагался на рубеже Нижнего мира мёртвых людей и злых духов и Среднего мира живых людей. Именно через него в образе лягушки или жабы приходила наверх к людям ведьма *пырны*, жившая под землёй.

«Подошла она к одному месту. От старого берёзового пня отломала щепку, чтобы костёр разжечь, а оттуда выпрыгнула

лягушка. Это ведьма *пырны* выскочила. И говорит: “За чем мою избушку сломала? Пойдём ко мне ночевать”. Через пень спустились вниз. Там у лягушки дрова лежат. Пролезли в нору» (Хантыйская сказка без названия.)

Однако по закону амбивалентности образа лягушка и жаба считались не только враждебными, но и близкими человеку. Внешне это проявлялось в том, что они, как и мы, имеют четыре конечности с пятью пальцами на каждой. А медведю – тоже с четырьмя лапами, каждая из которых снабжена пятью пальцами, – они и вовсе признавались родственницами. Очень знаковое, престижное родство: ведь косолапый – самый сильный не только в сибирской тайге, но и в местном языческом пантеоне; он младший брат человека и младший брат верховного бога обских угров *Торума*.

Божества, как известно, могут являться перед смертными в самых разных обликах. Вспомним хотя бы Зевса, который становился то быком, то орлом, то лебедем... Хантыйские и мансийские боги – не исключение, пантеон их образов тоже немал. И образ лягушки для членов семьи *Торума* оказался самым привлекательным и востребованным.

Во-первых, его, среди прочих, выбрала для себя Великая богиня *Калтац* – супруга Демиурга. Вообще-то она имела много ипостасей и могла предстать перед людьми и молодой красивой женщиной, и седой старухой в собольей шубе или красном халате, и зайчихой, и гусыней, и лебедем... Даже бабочкой, как утверждают некоторые манси. Но вот и лягушкой – тоже. И потому манси называли лягушку «Прыгающей женщиной», или «Между кочек женщиной». А ведь *Калтац* – богиня-жизнеподательница, «мать всех людей», она была вхожа во все дома, и потому северные ханты звали её *Ар-хотым-ими* («Многих домов женщина»). Наиважнейшая её функция – покровительствовать материнству, и на этом основании невзрачное, по нашему мнению, земноводное служило у хантов и манси сакральной повитухой и считалось наипервейшей помощницей при родах.

Во-вторых, шестой сын *Торума* по имени *Тайт-котль-ойка*, богатырь среднего течения реки Северная Сосьва, тоже как-то был связан с образами указанных земноводных. Правда, или ещё не устоявшаяся, или уже утрачиваемая традиция не определяет однозначной коммуникации богатыря с лягушкой: согласно одним версиям, он сам был найден в брюхе налима в таком обличье, по другим – так выглядела его жена, по третьим – сестра.

В-третьих, образы лягушки и жабы оказались притягательны и для дочери *Торума*. Звали её *Ханьлсам Найэква* или *Нярс Найэква*. Это она вместе с пятью своими братьями-богатырями заложила основу жизни на большой территории по рекам Пелым, Сыгва, Северная Сосьва и примыкающему к устью последней участку Оби. Конкретно её владения простирались в северососьвинских верховьях вверх по течению от деревни Нильдино. Проживавшая здесь группа *Нярас-махум* («Лягушкин народ») считалась потомками этой богини, а обитавшие в здешних угодьях лоси и ценные пушные звери (соболи, горностаи, бобры, выдры) – её собственностью. И эта героиня-покровительница с небесной генеалогией, сильный дух-предок, которого манси называли Великой Женщиной, выглядела всего лишь как обычная лягушка.

Образ лягушки могли также принимать помощники божества Старик Верховьев Салыма. Она почиталась и хантами реки Куноват, находилась в родстве со знаменитой Казымской богиней.

Здесь нужно подчеркнуть одно важное обстоятельство. Глупо следовать логике русской пословицы «Живут в лесу – молятся колесу». Её на заре утверждения новой веры для уничтожения языческой идеологии придумали церковники. На деле язычники молились

не колесу, а символу Солнечного божества в виде круга. В свою очередь последователей христианства упрекают в том, что они поклоняются кресту – римскому палаческому устройству для казни людей. Но ведь этот знак для верующего в Иисуса Христа имеет совсем другие смыслы. Если не различать символы и скрытые в них смыслы, то через пару-тройку тысячелетий археологи будущего будут трактовать найденный ими мангал как алтарь для еженедельного ритуального жертвоприношения свиньи, нынешний солярий – как жертвенник для зажаривания живых людей, а развалины Диснейленда – как храм древней цивилизации, поклонявшейся Мышиному божеству.

Так что когда юганские ханты Сапаркины рисовали свою родовую тамгу в виде лягушачьего контура, салымские ханты Савкунины после благополучных родов дарили платок металлической отливки в виде лягушки, сосьвинские манси Хозумовы вырезали из дерева её фигурку для своего священного амбарчика, а все вместе сочиняли про неё сказки и выскабливали её очертания с четырьмя растопыренными лапками на стенках своих берестяных туесов, это не являлось выражением культа земноводных. Просто за этими мелкими и малозаметными животными скрывались совсем другие образы и герои – могучие и почитаемые.

К *Калтац*, регулирующей жизнь женщины и имеющей вид лягушки или жабы, обращались часто – за помощью при беременности и родах, за поддержкой здоровья детей, за советом при трудных жизненных обстоятельствах... Всего и не расскажешь. Остановимся только на одном – ворожбе и отворотно-приворотных делах. В этой колдовской сфере без покровительства верховного женского божества, понятное дело, обойтись было никак невозможно.

Для несчастных реальных лягушек и жаб эти колдовские деяния людей протекали всегда жестоко и заканчивались трагически, ибо орудием колдовства служили кости безобидных попкашек. Добыть кости можно было разными способами.

Один из них в конце XIX века описал сургутский политссыльный И.Я. Неклепаев. Весной надо было поймать пару совокупающихся лягушек, поместить их в берестяной туесок, сделать в стенках последнего несколько отверстий и положить его на муравейник. При этом, как уверяли очевидцы, необходимо было «как можно крепче затыкать уши, так как лягушки будто бы “доспеют” в это время такой визг, что никакое человеческое ухо не может его вынести, и если не заткнёшь хорошенько ушей, то оглохнешь». По прошествии некоторого времени, в те-

чение которого от несчастной супружеской пары земноводных, уничтоженных полчищами муравьёв, оставалась лишь грудка костей, туесок изымался. Из кучки останков остяцкому чародею или чародейке нужны были всего две косточки: одна – в форме петли или вилки, которую считали половым органом самки, вторая – в виде небольшого крючка, который признавался стержнем пениса. Они-то и служили средствами притяжения или, наоборот, отторжения объекта колдовства.

Использовался и более быстрый способ получения магических косточек – несчастных квакушек просто варили, а потом разделявали.

Дальше было всё просто. Если парень (про девушек почему-то информации нет) хотел приворожить зазнобу, ему надо было всего лишь незаметно коснуться её «крючочком»; если же ставилась задача избавиться от назойливой дыхательницы, то прикасаться к ней надо было «вилочкой».

Результат, как утверждали очевидцы, был стопроцентный. Васюганские ханты рассказывали про своего Дон Жуана такую историю: «...Недавно один мужик, некрасивый лицом, сварил себе две жабы – самца и самку. От самки взял косточку – вилку – и пришёл на локоть левого рукава рубахи, от самца взял косточку – крючок – и пришёл на локоть правого рукава. Вот понравилась ему женщина, он мимо неё шёл и, как будто невзначай, задел её правым локтем. Она вся к нему тянется, да и только. Стали вместе жить. Он задел её левым локтем, и она начала его гнать: “Уходи, чёрт страшный!”. Разошлись. Так он всех женщин в деревне то правым локтем заденет, то левым. Жабы привораживают и наоборот».

Существовал и иной способ приворожить даму сердца. Впрочем, для лягушек он тоже заканчивался летально. Нужно было каким-то образом скормить бедную квакушку предмету своего обожания. А поскольку женщины ханты и манси не француженки, то предложение такого «деликатеса» было делом заведомо обречённым в лучшем случае на неуспех, а скорее даже на скандал. И Ромео в малицах предпринимали иногда удивительную ловкость и изобретательность, чтобы лягушка оказалась в котле с варевом для Джульетт в унтах.

Магические возможности лягушек и жаб использовались не только для приворота, но и для гадания. В устье Нюрольки – притока реки Васюган (Томская область) – ещё в XIX веке действовало святилище *Сэваркы-лат* («Жабье место»). На нём местные ханты проводили гадания, кого же высшие силы выберут в мужа той или иной девушке. Происходило это так: «Собирался народ,

разводили костёр и ставили на него котёл с водой. В закипевшую воду бросали жабу или лягушку. Когда она сварится и опустится на дно котла, к нему садилась девушка и юноша. Деревянными ложками они ловили лягушку. Если ложки не встречались в котле, к нему садился другой юноша, если же встречались, – это предрешало брак».

Надо сказать, что не только ханты и манси верили в приворотные чары квакушек, не чужды такие убеждения были и русским. Большой знаток славяно-русской этнографии П. И. Мельников-Печерский писал, что старобрядцы Заволжья в середине XIX века для изготовления волшебного зелья в глухую ночь в нетопленной бане в кипящее молоко от чёрной коровы кидали лягушку и «приворотные грабельки». А дальше – нет проблем: *«Тронь теми грабельками девицу, вдовицу или мужню жену, закипит у ней ретивое сердце, загорится алая кровь, распалится белое тело, и станет ей тот человек красней солнца, милей отца с матерью, милей роду-племени, милей свету вольного... Век свой будешь ему рабой безответной. Ни жить, ни быть, ни есть, ни пить без того человека нельзя... Как рыбе без воды, как телу без души, так и женщине без того человека...».* Вот что простая лягуха с чело- веком сделать может!

Мир глобализуется и нивелируется. Традиционные культуры и языки умирают. «Расовая чистота» превращается в порицаемый бренд прошлых веков, а метисные популяции – в реальность веков будущих. Божественные образы лягушек и жаб из сферы религиозных воззрений перемещаются в область сказок и детских мультфильмов. Но наши прыгающие и квакающие защитники от комаров, мошкары и прочей кровососущей нечисти пока ещё с лица Земли не исчезли. Они рядом с нами. Так давайте наклонимся и взглянем в них. Не такие уж они и противные, как некоторые это себе внушили, а вполне симпатичные и забавные. К тому же ещё и крайне необходимые для планетарного биоценоза. По крайней мере именно эту мысль в 2002 году хотели выразить организаторы проекта «Изменим своё отношение к “нелюбимым” животным», который был проведён сотрудниками Томского госуниверситета на территории Томской и Новосибирской областей и ставил своей целью изучение, популяризацию и охрану земноводных и пресмыкающихся. Есть и более действенные примеры заботы. Например, в 2004 году правительство ФРГ выделило 225 тысяч евро на строительство тоннеля для лягушек в пригороде Берлина, чтобы они могли пересекать автобан без потерь.

Давайте же и мы в каждой лягушке видим царевну.